Пробуждение / новелла

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Пробуждение / новелла ПРОБУЖДЕНИЕ

Вот уже три года, как она вышла замуж и не покидала долины Сирэ, где у ее мужа были две прядильни. Она жила спокойно, счастливо, без детей, в своем домике, спрятавшемся под деревьями и прозванном рабочими «замком».
Муж, г-н Вассер, гораздо старше ее, был очень добр. Она любила его, и никогда ни одно преступное желание не проникало в ее сердце. Мать ее приезжала каждое лето в Сирэ, а затем возвращалась обратно в Париж на зиму, когда начинали падать листья.
Каждую осень Жанна немного кашляла. Узкая долина, по которой змеилась речка, погружалась в туман на целых пять месяцев. Сначала над лугами носился легкий пар, отчего долина становилась похожею на большой пруд с выплывавшими из него крышами домов. Затем это белое облако, поднимаясь, подобно морскому приливу, охватывало все, превращало долину в страну призраков, обитатели которой скользили, как тени, не узнавая в десяти шагах друг друга. Окутанные туманом деревья высились, заплесневев от сырости.
Но те, кому случалось проходить по соседним холмам и смотреть на белое углубление долины, видели, как из тумана, скопившегося на уровне холмов, высились две высокие трубы фабрик г-на Вассера, и из них день и ночь поднимались к небу две змеи черного дыма.
Только одно это и указывало, что в этой впадине, казалось, заполненной облаком ваты, все-таки жили люди.
И вот в этом году, когда наступил октябрь, доктор посоветовал молодой женщине провести зиму у матери в Париже: климат долины становился опасным для ее легких.
Она уехала.
Первые месяцы она беспрестанно думала о покинутом доме, к которому уже так привыкла, где она любила свою обстановку и

спокойное течение дней. Но мало-помалу она сжилась с новой жизнью и вошла во вкус праздников, обедов, вечеров и танцев.
В ее манерах до сих пор сохранялось что-то девичье, что-то неопределенное и сонливое — немного вялая походка, немного усталая улыбка. Теперь же она стала оживленной, веселой, всегда готовой к всевозможным удовольствиям. Мужчины ухаживали за нею. Она забавлялась их болтовнёю, играла их поклонением, чувствуя себя способной противостоять им и немного разочарованной в любви, какой узнала ее в брачной жизни.
Мысль отдать свое тело грубым ласкам этих бородатых существ заставляла ее хохотать от жалости и слегка вздрагивать от отвращения. Она с изумлением спрашивала себя, как могли женщины соглашаться на эти унизительные сближения с посторонними мужчинами, если их и без того принуждали к этому мужья. Она любила бы своего супруга гораздо нежнее, если бы они жили как двое друзей, ограничиваясь целомудренными поцелуями, этими ласками душ.
Но ее немало забавляли комплименты, загоравшиеся в глазах и не разделяемые ею желания, прямые нападения, нашептываемые на ухо любовные признания после тонкого обеда, когда переходят из столовой в гостиную; эти слова, произносимые так тихо, что их приходилось скорее угадывать, оставляли ее плоть холодной, а сердце спокойным и щекотали лишь ее бессознательное кокетство, но от них в ее душе загоралось пламя удовлетворения, расцветала на губах улыбка, блестел ее взгляд, трепетала ее женская душа, принимающая поклонение, как должное.
Она любила беседы с глазу на глаз, в сумерках, у камина, когда в гостиной уже темнеет и мужчина делается настойчивым, лепечет, дрожит и падает на колени. Для нее было изысканною и новою радостью чувствовать эту страсть, которая ее не задевала, говорить «нет» головой и губами, отнимать руки, вставать и хладнокровно звонить, приказывая зажечь лампы, и видеть, как тот, кто дрожал у ее ног, поднимается в смущении и ярости, заслышав шаги лакея.
Она умела смеяться сухим смешком, замораживавшим пылкие речи, знала жесткие слова, которые, как струя ледяной воды, обрушивались на жаркие уверения, знала интонации, заставлявшие

человека, без памяти влюбленного в нее, думать о самоубийстве.
Двое молодых людей преследовали ее особенно упорно. Они ничем не походили друг на друга.
Один из них, г-н Поль Перонель, был вполне светский молодой человек, любезный и смелый, человек удачи, умевший ждать и выбирать подходящий момент.
Другой, г-н д’Авансель, подходя к ней, трепетал, едва осмеливался признаться ей в любви, но следовал за нею, как тень, выражая отчаявшееся желание безумными взглядами и упорством своего присутствия возле нее.
Первого она прозвала «Капитан Фракас», а второго «Верный барашек» и превратила его в конце концов в своего раба, ходившего за нею по пятам и прислуживавшего ей точь-в-точь как слуга.
Она расхохоталась бы, если бы ей сказали, что она сможет полюбить его.
А между тем она его полюбила, но по-особому. Видя его постоянно, она привыкла к его голосу, к его движениям, ко всем его манерам, как привыкают к тем, вблизи кого постоянно живут.
Часто в сновидениях его образ посещал ее; она видела его таким, каким он был в жизни; мягким, деликатным, смиренно-страстным; она пробуждалась, преследуемая воспоминанием об этих снах, как бы продолжая слушать его и чувствовать около себя. Однажды ночью (быть может, у нее была лихорадка) она увидела себя с ним наедине, в маленькой рощице, где они сидели на траве.
Он говорил чарующие слова, сжимая и целуя ей руки. Она чувствовала теплоту его кожи, его дыхание и ласково гладила его волосы.
Во сне бываешь совсем иным, чем в жизни. Она ощущала в себе огромную нежность к нему, спокойную и глубокую нежность и была счастлива тем, что прикасается к его лбу и находится возле него.
Мало-помалу он обнимал ее, целовал ей щеки и глаза, и она ничуть не пыталась избежать этого; затем их губы встретились. Она отдалась.
То был миг (в жизни не бывает таких восторгов) сверхострого и

сверхчеловеческого счастья, идеального и чувственного, пьянящего, незабываемого.
Она проснулась дрожа, взволнованная, и не могла заснуть, настолько чувствовала себя опьяненной и все еще в его объятиях.
Когда она снова увидела его, не ведающего о том, какое он вызвал волнение, она почувствовала, что краснеет, и пока он робко говорил ей о своей любви, она все время вспоминала, не будучи в силах избавиться от этого, сладостные объятия своего сна.
Она полюбила его, полюбила странною любовью, утонченною и чувственною, создавшейся главным образом из воспоминаний об этом сне, и в то же время боялась пойти навстречу пробудившемуся в ее душе желанию.
Наконец он заметил это. И она призналась ему во всем, вплоть до того, как боялась его поцелуев. Она взяла с него клятву, что он будет ее уважать.

И он уважал ее. Они проводили вместе долгие часы в восторгах возвышенной любви, когда сливаются только души, и затем расставались распаленные, измученные, обессиленные.
Иногда губы их соединялись, и, закрыв глаза, они вкушали эту долгую, но целомудренную ласку.
Она поняла, что не сможет противиться долго, и, не желая пасть, написала мужу, что собирается вернуться к нему и возобновить свою спокойную, уединенную жизнь.
Он отвечал превосходным письмом, отговаривая ее возвращаться в разгар зимы, чтобы не подвергнуть себя резкой перемене климата, ледяным туманам долины.
Она была подавлена и негодовала на этого доверчивого человека, не понимавшего, не почуявшего борьбу в ее сердце.
Февраль был ясный и теплый, и хотя она теперь избегала долго оставаться наедине с «Верным барашком», но порою соглашалась совершить с ним в сумерках прогулку в карете вокруг озера.
В этот вечер, казалось, пробудились все соки земли, — так теплы были дуновения воздуха. Маленькая карета ехала шагом; спускалась ночь; прижавшись друг к другу, они сплели руки.

«Кончено, кончено, я погибла», — твердила она себе, чувствуя, как в ней поднималось желание, властная потребность того последнего объятия, которое она так полно испытала во сне. Их губы ежеминутно искали друг друга, сливались и размыкались, чтобы тотчас же встретиться вновь.

Он не посмел проводить ее к ней и оставил ее, обезумевшую и изнемогавшую, у дверей.

Г-н Поль Перонель ждал ее в маленькой неосвещенной гостиной.

Дотронувшись до ее руки, он почувствовал, что ее сжигала лихорадка. Он заговорил вполголоса, нежно и любезно, баюкая эту истомленную душу прелестью любовных признаний. Она слушала его в какой-то галлюцинации, не отвечая, мечтая о том другом, думая, что слышит другого, представляла себе, что это он близ нее. Она видела лишь его, помнила, что на свете существует только он один, и когда ее слух затрепетал при этих трех словах: «Я люблю вас», — то их говорил и целовал ее пальцы тот другой. Это он сжимал ее грудь, как только что в карете, это он осыпал ее губы победными поцелуями, это его она обнимала, стискивала, призывала всем порывом своего сердца, всем неистовым пылом, своего тела.

Когда она пробудилась от этого сна, у нее вырвался ужасный крик.

«Капитан Фракас», стоя на коленях перед нею, страстно благодарил ее, покрывая поцелуями ее распустившиеся волосы.

Она закричала:

— Уходите, уходите, уходите!

И так как он не понимал и пытался снова обнять ее талию, она вырвалась, лепеча:

— Вы низкий человек, я вас ненавижу, вы меня обокрали, уходите!

Он встал, ошеломленный, взял шляпу и вышел.

На другой день она вернулась в долину Сирэ. Изумленный муж упрекнул ее в упрямстве.

— Я не могла дольше жить вдали от тебя, — сказала она,

Он нашел, что она изменилась, стала более печальной, чем прежде, и спросил:

— Что с тобою? У тебя несчастный вид. Чего бы тебе хотелось?
Она ответила:
— Ничего. В жизни хороши только сны.
«Верный барашек» приехал навестить ее на следующее лето.
Она встретила его без волнения и без сожаления, поняв вдруг, что никогда его не любила, кроме одного мига во сне, от которого ее так грубо пробудил Поль Перонель.
А молодой человек, по-прежнему продолжавший обожать ее, думал, возвращаясь домой: «Женщины — поистине причудливые, сложные и необъяснимые существа».

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 20 февраля 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.
«Капитан Фракас» — имя воинственного героя-актера из одноименного авантюрного романа (1863) Теофиля Готье.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994
Перевод А.Н. Чеботаревской. Hekaýalar